

A vertical rectangular image showing a dark, snowy night scene. In the background, a silhouette of a house with a chimney is visible. Several windows and the chimney are illuminated from within, casting a warm, orange-yellow glow. The foreground is filled with falling snow and snow-covered evergreen branches, creating a soft, hazy atmosphere.

Рыжая зима

The.Feer

The.Feer The.Feer

Рыжая зима

<https://litres.ru/74604549>

SelfPub; 2026

Аннотация

В лесу выпал первый снег, и лисёнок, который всегда придумывает худшее, готовится к самому тёплому Новому году в своей жизни. Ёлка, пряники, тайные подарки, а потом день рождения Ретривера, которому он давно хочет сказать самое важное. Но сразу после праздника ручей замирает, на окнах появляются странные ледяные узоры, и кто-то смотрит на огоньки поляны из темноты...

Содержание

О первом снеге и о том, что радость и страх часто приходят вместе	4
О ёлке, которую каждый хотел по-своему	8
О подарке	12
О кухне, где всё пошло не так	15
О жребии и о том, что гадать за других не нужно	19
О гирляндах	23
О последнем дне года	27
О столе, за которым всем хватило места	31
О змеях, которые оказались гирляндами	36
О полуночи на холме и о желании	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

The.Feer

Рыжая зима

О первом снеге и о том, что радость и страх часто приходят вместе

В тот год снег пришёл ночью, тихо, никого не предупредив. В этом лесу снег вообще был редким гостем: зимы здесь стояли мягкие, больше похожие на затянувшуюся осень, и если уж что-то падало с неба в декабре, то это был робкий дождик, да и тот быстро уставал. Поэтому, когда лисёнок проснулся и не сразу понял, что с миром что-то не так, он просто лежал и слушал.

Уши у лисёнка слышали всё, и в то утро они слышали новый звук. Очень тихий, ни на что не похожий. Будто кто-то далеко-далеко сыплет сахар на бумагу. Он вышел на крыльцо и замер.

Лес стал белым. Не весь сразу, а как будто его кто-то аккуратно присыпал мукой: ветки старого дуба, крышу домика, перила крыльца, даже кончик собственного хвоста. С неба спускались снежинки - медленные, неторопливые, каждая сама по себе. Лисёнок поймал одну на нос. Она щекотно рас-

таяла.

- Снег, - сказал лисёнок вслух, просто чтобы проверить, что это правда.

К ручью он бежал почти вприпрыжку, и лапы оставляли в снегу ровные маленькие следы. Он оглядывался на них и улыбался. Следы были похожи на строчки письма, которое он писал лесу.

Ретривер уже сидела на большом камне у воды. На золотой шерсти поблёскивали снежинки, и она не стряхивала их, будто они ей шли. Рядом стояли две чашки, из которых поднимался пар.

- Я знала, что ты прибежишь первым, - сказала ретривер.
- Ты слышал, как он падает?

- Слышал, - сказал лисёнок и сел рядом. - Он шуршит.
- Правда? А я не услышала. Расскажешь потом, как он звучит?

Она всегда так делала: превращала то, что слышит лисёнок, из странности в подарок.

Они пили чай и смотрели, как снег ложится на воду и тает. Потом ретривер сказала, будто между делом:

- Скоро Новый год.
- Скоро, - согласился лисёнок.
- Давай устроим настоящий праздник? Со всеми. С ёлкой, гирляндами, подарками. Чтобы весь лес пах хвоей и мандаринами. Мы ещё ни разу не встречали его все вместе по-настоящему.

Лисёнок хотел ответить «да, конечно!» - и ответил. Но вместе с этим «да» внутри у него поднялось ещё кое-что. Сначала маленькое, как снежинка. Потом побольше.

А если ёлка упадёт? А если подарки не понравятся? А если кот скажет, что это глупая затея, и все расстроятся? А если дворняжка потеряет гирлянду, а корги обидится, а он сам скажет что-нибудь не то, как это с ним часто бывает? Он замолчал. Уши незаметно прижались к голове.

Ретривер посмотрела на него внимательно.

- Ты улыбаешься, - сказала она. - А уши прижал.

Лисёнок попытался поднять уши, но они не слушались.

- Мне радостно, - признался он. - И страшно. Одновременно. Так бывает?

- Так бывает почти всегда, когда что-то по-настоящему важно, - сказала ретривер. - Знаешь, я тоже немного боюсь. Вдруг получится не так красиво, как я придумала.

- Ты? - удивился лисёнок. Он не мог поверить, что ретривер, которая всегда знала, как лучше, тоже может бояться.

- Конечно. - Она улыбнулась. - Но если боишься и всё равно делаешь, это уже не просто страх. Это волнение. Оно щекочет, а не давит.

Лисёнок прислушался к себе. Страх никуда не делся, но рядом с ним поместилась радость, и, как ни странно, они не толкались.

- Волнение, - повторил он. - Ладно. Это слово мне нравится больше.

Они пошли по свежему снегу собирать остальных. Плечо ретривера иногда касалось его плеча, и лисёнок делал вид, что не замечает этого, хотя замечал каждый раз.

Кот сидел у окна, завернувшись в плед, и выслушал новость с таким лицом, будто ему предложили искупаться в проруби.

- Холодно, - сказал он. - Ёлки колются. Гирлянды путаются. Всё это затянется на месяц, и мы все устанем.

Но пока он это говорил, его лапа уже тянулась к верхней полке, где стояла коробка с серебряной мишурой. Кот достал её, посмотрел и очень спокойно поставил на стол.

- Просто проверяю, не отсырела, - сказал он.

Корги, услышав слово «праздник», три раза обежала поляну по кругу и зарылась в сугроб с головой, откуда ещё долго доносилось радостное: «Мы будем печь! Мы будем украшать! Мы будем!..» А дворняжка закричала «Ура!» так громко, что с дуба сорвалась целая шапка снега и аккуратно легла коту на голову.

- Я это предвидел, - сказал кот, отряхиваясь. Но уголок его рта чуть дрогнул.

Вечером лисёнок сидел у окна и смотрел, как за стеклом кружится снег. Ему по-прежнему было радостно и немножко страшно. Но теперь он знал, что это не два разных чувства, а одно, у которого просто две половинки.

Радость и тревога часто приходят вместе, и в этом нет ничего плохого.

О ёлке, которую каждый хотел по-своему

Утром пятеро собрались на поляне. Снег за ночь лёг ещё плотнее, и поляна была похожа на огромную белую скатерть, которую кто-то расстелил для пира.

- Ёлка, - объявила ретривер, - самое главное. Без ёлки не бывает Нового года. Но рубить мы ничего не будем. Выберем живую и нарядим прямо на месте. Пусть стоит и радуется вместе с нами.

- Правильно, - сказала корги. - Живая лучше.

- Я знаю, какая нужна! - Дворняжка подпрыгнула так высоко, что снег с её хвоста долетел до кота. - Самая большая! Такая, чтобы верхушка уходила в облака! Чтобы звезда сияла на весь лес!

- Чтобы всё это рухнуло нам на головы, - сказал кот. - Нужна небольшая. Аккуратная. С мягкими иголками, чтобы не колола.

- Маленькая?! - ужаснулась дворняжка. - Это не ёлка, это ёлочка!

- Мне нужна пушистая, - вмешалась корги. - Чтобы вокруг неё можно было бегать кругами, а пахла она лесом!

И они пошли выбирать. Дворняжка тянула всех к самой высокой ёлке в лесу, которая стояла так далеко, что к ней

пришлось бы идти до обеда. Кот останавливался у самой скромной и повторял: «Вот. Вот эта нормальная». Корги бегала вокруг каждой и громко принюхивалась, а потом сообщала, что «пахнет, но недостаточно».

Ретривер ни с кем не спорила. Она слушала каждого, кивала, задавала вопросы и, кажется, получала от этого удовольствие. Лисёнок шёл позади всех.

Его уши слышали ёлки. Это была тайна, о которой он никому не рассказывал, потому что не знал, как объяснить. Каждая ёлка звучала по-своему. Высокая гудела низко и скрипуче, как старый дедушка, который встаёт с кресла. Маленькая звенела тоненько, как иголка по стеклу. А пушистая шептала что-то неразборчивое и мягкое.

Лисёнок хотел сказать: «Давайте выберем ту, которая понравится всем». Но слова застряли где-то на полпути. Вдруг скажут, что это глупо? Вдруг не согласятся? Вдруг они вообще не любят, когда он вмешивается?

Ретривер остановилась и обернулась.

- Лисёнок, - сказала она, - а ты что думаешь?

Все посмотрели на него. Он попытался спрятаться за собственными ушами, но уши, как назло, были слишком заметными.

- Я... слушал, - сказал он. - Ёлки по-разному звучат. Есть одна, на краю поляны. Не самая большая и не самая маленькая. Она шуршит тихо-тихо, как будто напевает.

- Напевает? - переспросила дворняжка.

- Пойдёмте посмотрим, - сказала ретривер.

Ёлка стояла на самом краю поляны, там, где лес выходил на открытое место. Она была выше кота ровно вдвое, заметно ниже облаков, а хвоя у неё была густая, мягкая, такая, что хотелось прижаться щекой. Ветер качнул ветки, и она негромко, ласково запела.

- Пушистая, - сказала корги и обежала её три раза. - И пахнет! Ещё как пахнет!

- Мягкая, - признал кот, осторожно потрогав иголки кончиком лапы. - Не колется.

- Но не до неба, - вздохнула дворняжка.

- Зато, - сказал лисёнок, и сам удивился, что говорит, - звезду на самую верхушку придётся вешать кому-то очень ловкому. Лезть долго, а ветки скользкие от снега.

Дворняжка медленно выпрямилась.

- Это же я, - сказала она. - Я самая ловкая!

- Конечно, - кивнул кот. - Никто с тобой не поспорит. Особенно потому, что никто не хочет лезть.

Дворняжка засияла. Корги пришла в восторг от запаха. Кот перестал хмуриться, хотя и не признался в этом. А ретривер посмотрела на лисёнка и тихо сказала, так, чтобы слышал только он:

- Спасибо, что сказал.

Лисёнок ничего не ответил. Он только почувствовал, как у него потеплели уши.

Потом они все вместе встали вокруг ёлки, и она продол-

жала тихо напевать, будто понимала, что теперь она не просто дерево, а центр праздника.

- Наша, - сказала ретривер.

- Наша, - согласились все пятеро.

У каждого свои желания, и это нормально. Праздник получается не тогда, когда победил самый громкий, а тогда, когда услышали каждого.

О подарке

Игрушек в лесу не продавали, поэтому их делали сами. Через два дня после выбора ёлки поляна превратилась в большую мастерскую. Корги сидела на пне и наматывала нитки на картонные кружки, получались пушистые помпоны. Дворняжка вырезала из бумаги ёжиков, зайцев и ещё что-то, что она называла «очень смелой белкой». Выглядело это скорее как облако с хвостом. Кот красил шишки в серебряный цвет, высунув от старания кончик языка, и при этом делал вид, что вообще ничем не занят.

- Это просто шишки, - отвечал он каждому, кто спрашивал. - Они сами так блестят.

Ретривер ходила от одного к другому, хвалила, подсказывала, подавала то ножницы, то краску, и всё время улыбалась.

Лисёнок тоже делал игрушки вместе со всеми: бумажные снежинки, ровные и аккуратные. Но у него была ещё одна игрушка, о которой никто не знал.

Он начал её вечером, закрыв ставни. Нашёл кусочек светлой дощечки, взял острую щепку и долго вырезал при свече. Получились две маленькие фигурки: одна рыжая, с большими ушами и белым кончиком хвоста, другая золотая, с мягкими висящими ушами и доброй мордой. Они стояли рядом и держались за лапы.

Лисёнок смотрел на них и краснел до самых кончиков ушей. А вдруг ей это покажется глупым? А вдруг неловким? А вдруг...

Но остановиться он уже не мог. Не хватало только красной краски для щёк и ленточки на шею золотой фигурке. Краску, как он знал, можно было получить из ягод рябины. Рябина росла на самом краю леса, и утром лисёнок отправился туда один.

На опушке было тихо. Совсем тихо, даже для зимнего леса. Лисёнок остановился и прислушался, как делал всегда. Ничего. Только снег лениво осыпался с веток. А потом, очень далеко, но всё-таки в лесу, послышался хруст. Будто кто-то ступил на снег лапой и сразу замер, чтобы его не услышали.

Лисёнок повернул уши. Хруста больше не было.

- Кто там? - негромко спросил он.

Никто не ответил.

Он подошёл к рябине. Ягоды краснели среди белых веток, яркие, как огоньки. Лисёнок потянулся к одной из веток и вдруг заметил, что на самой нижней ветке лежит иней. Не обычный снег, а именно иней: тонкий, тонкий, как кружево, с острыми, ровными узорами, словно кто-то нарисовал на ветке крошечные звёзды. А вокруг было мягко и совсем не морозно, и остальные ветки были просто мокрыми. «Странно», - подумал лисёнок.

Он огляделся ещё раз. Лес стоял тихий и пустой. Ветер

качнул ветки, где-то далеко пискнула птица. Наверное, показалось. Или ветер что-то принёс. Он собрал в мешочек несколько ягод и пошёл домой, ни о чём не рассказав. Рассказывать было нечего: мало ли что бывает на опушке.

Дома он размял ягоды, получил красную краску и осторожно подкрасил фигуркам щёки. Золотой повязал на шею тонкую ленточку, которую нашёл в ящике стола. Получилось очень хорошо, даже лучше, чем он рассчитывал.

- Белый кончик хвоста вышел отлично, - сказал кто-то у него за спиной.

Лисёнок подпрыгнул и чуть не уронил фигурку. В дверях стоял кот. Он, как всегда, вошёл без стука.

- Ты... - начал лисёнок, пряча игрушку за спину.

- Я ничего не видел, - спокойно сказал кот. - А если бы видел, то никому бы не сказал.

Он прошёл к окну и сел, глядя на заснеженный двор. Лисёнок осторожно вытащил игрушку из-за спины.

- Ты думаешь, ей понравится?

Кот посмотрел на две фигурки. Потом на лисёнка.

- Это не подарок, - сказал он. - Это письмо. Ей понравится.

И больше ничего не добавил, потому что всё уже сказал.

Подарок, сделанный своими лапами, дороже самого красивого, купленного в лавке. В него вкладывают не вещь, а время и мысли о том, для кого он предназначен.

О кухне, где всё пошло не так

За неделю до Нового года корги объявила, что пора печь пряники.

- Много, - сказала она. - Так много, чтобы хватило на весь лес и ещё осталось.

Кухня в домике корги была самой большой из всех, и в то утро в ней собрались сразу четверо: сама корги, дворняжка, ретривер и лисёнок. Кот сказал, что у него дела на пригорке, хотя по лицу было понятно, что дела у него одни: подальше от муки.

Корги нашла в старой книжке рецепт, разложила на столе миски и ложки и велела каждому встать на своё место.

- Дворняжка отвечает за яйца, - сказала она. - Ретривер за тесто. Лисёнок за формочки. А я за всё остальное.

Первые десять минут всё шло замечательно. Ретривер замешивала тесто так ровно и спокойно, что хотелось просто стоять и смотреть. Лисёнок раскладывал формочки: звёздочки, ёлочки, сердечки и одну странную, которая получалась то ли зайцем, то ли грибом. Корги командовала. А дворняжка с яйцами...

Первое яйцо она разбила в миску. Второе мимо миски. Третье подбросила, чтобы поймать, как это делают в цирке, и поймала. Четвёртое подбросила и не поймала. Оно красиво взлетело, ударилось о потолок и размазалось над головой

корги.

- Дворняжка! - закричала корги.

- Это было красиво! - виновато сказала дворняжка. - Ты видела, как оно летело?

Ретривер засмеялась. Корги тоже не выдержала и тоже засмеялась.

Потом дворняжка решила помочь с мукой и чихнула прямо в мешок. Белое облако поднялось к потолку, а когда осело, все четверо были белыми, как снеговики. Только глаза чернели да нос дворняжки торчал сквозь белую шапку.

- Мы похожи на привидения, - сказал лисёнок.

- На очень вкусных привидений, - сказала дворняжка.

Первая партия пряников подгорела. Корги забыла о ней, пока ловила дворняжку, а когда вспомнила, пряники уже стали коричневыми, как кора. Вторая партия вышла бледной и не поднялась вообще. Третья наконец получилась, но половина звёздочек слиплась в одну большую звезду.

- Всё испорчено, - сказала корги и села на пол. Она выглядела так расстроено, что у лисёнка кольнуло в груди. - Я хотела, чтобы всё было идеально.

Лисёнок вдруг понял, что стоит с глазами на мокром месте: ему тоже казалось, что всё пропало. Но он посмотрел на ретривера, которая с белой мукой на кончике носа смотрела на подгоревшие пряники без всякого огорчения.

- Знаешь, - сказала она, - этот похож на медведя.

Она подняла самый тёмный пряник, и правда, он был по-

хож на косолапого медведя, который долго шёл по лесу.

- А этот на гору, - подхватил лисёнок, взяв пряник побольше.

- А этот на дворняжку после чиха, - сказала корги, постепенно улыбаясь.

И они стали разглядывать подгоревшие пряники по одному, придумывая каждому имя и историю. «Медведь, который не выпался». «Гора, где живёт дракон». «Облако, которое забыло, что оно облако».

Кот всё-таки заглянул на кухню, когда почуял запах. Он осмотрел белых зверей, груды пряников и пол, на котором ещё блестели остатки яйца.

- Я ничего не пил и не ел, - предупредил он. - Но если кому-то нужна глазурь, я умею.

Глазурь у кота получилась идеальной: гладкой, блестящей и такой белой, что рядом с ней мука казалась серой. Лисёнок взял тонкую кисточку и стал рисовать на пряниках узоры. Снежинки, звёздочки, маленькие ёлочки. Лапы у него были осторожные и точные. Он сам удивился, как здорово выходит: подгоревший медведь вдруг получил белую шубку, а гора обзавелась шапкой из снега.

Когда пряники остыли, пятеро сели за стол. Сначала съели самые некрасивые. Они оказались самыми вкусными: чуть-чуть с горчинкой, как настоящая зима.

- Я думала, что хорошо только то, что идеально, - призналась корги, облизывая глазурь с лапы. - А оказалось, нужно

просто, чтобы было с кем.

Не всё должно быть идеальным, чтобы быть вкусным, красивым и дорогим.

О жребии и о том, что гадать за других не нужно

Идея пришла к Корги вечером, когда все устали, объелись пряников и просто сидели на поляне, глядя на ёлку, увешанную игрушками.

- Давайте дарить друг другу подарки по жребию, - предложила она. - Каждый вытянет бумажку с именем и придумает подарок именно для этого зверя. Только тайно. Тот, кому достанется подарок, не должен знать, от кого.

- Тайна! - завизжала дворняжка и сразу прикрыла рот лапой. - Простите. Я больше не буду. Я буду тихая, как мышь.

Ретривер написала на пяти листочках пять имён, сложила их в шапку и перемешала. Лисёнок вытянул свой листок последним и осторожно развернул. На бумажке было написано: «Кот».

Он перечитал надпись два раза. Потом подумал: «Конечно. Кот. Хорошо». Но где-то глубоко в груди что-то неприятно сжалось. Потому что в тайне, в самой глубине души, он надеялся, что вытянет ретривера. И теперь не вытянул. А кто тогда вытянул её?

Он стал украдкой смотреть на остальных. Корги сжимала в лапах листок и таинственно улыбалась. Дворняжка то хихикала, то прятала глаза. Кот с каменным лицом изучал свой

листок, будто там было написано что-то очень скучное.

«Наверное, дворняжка, - подумал лисёнок. - У неё всегда столько идей. Она придумает что-нибудь такое весёлое, что ретривер будет смеяться целый день. А я... что я смогу? Деревянные фигурки?»

Мысли побежали вперёд. «Может быть, подарки у всех будут лучше моего. Может быть, кот привык получать тонкие, умные вещи, а я придумаю глупость. Может быть, я вообще, как обычно, всё испорчу».

Он не заметил, как расстроился совсем. Сидел, подперев голову лапой, и смотрел на огоньки гирлянды, которые стали вдруг тусклыми.

К нему подседа дворняжка. Она вертелась на месте, как будто под ней были горячие угли.

- Лисёнок, - зашептала она, оглядываясь. - Я не могу. Я должна кому-то рассказать, а то лопну. Ты мне друг?

- Друг, - сказал лисёнок.

- Мне достался ретривер! - выпалила дворняжка шёпотом, который слышали, наверное, все птицы в лесу. - И я не знаю, что ей подарить! Она такая... замечательная! Она всё всем дарит, а что подарить ей? У неё же есть всё! Я боюсь, что подарю глупость и она расстроится, и я вообще лучше не буду дарить, а убегу в лес!

Лисёнок посмотрел на дворняжку. Глаза у неё были круглые и совсем не весёлые. Она тоже боялась. Так же, как он сам. Просто по-другому: не молча, а очень громко.

И вдруг лисёнок почувствовал, что холодок в груди отступил. Потому что, оказывается, тревожно было не ему одному. А ещё потому, что он понял странную вещь: он рад за ретривера. Рад, что у неё будет подарок от дворняжки, самой искренней и самой щедрой на свете.

- Не убегай, - сказал он. - Ты не подаришь глупость. Подари то, от чего тебе самой будет радостно.

- Мне радостно от всего! - всхлипнула дворняжка.

- Вот и подари что-нибудь такое, - сказал лисёнок. - Ретривер любит, когда ты смеёшься. Она сама так говорила.

Дворняжка задумалась. Потом широко раскрыла глаза, как будто ей в голову влетела идея, и умчалась в темноту, оставив на снегу цепочку радостных следов.

Лисёнок остался один. Он сидел и думал, что только что произошло что-то удивительное. Ещё утром он бы терзался из-за бумажки с чужим именем. А сейчас сидел и радовался, что дворняжка нашла свою идею. Лучше ведь радоваться за других, чем гадать, что у них лучше.

Через минуту рядом села ретривер. Она посмотрела на ёлку, потом на него.

- У тебя глаза светятся, - сказала она. - Ты что-то придумал?

- Я подарок коту придумываю, - сказал лисёнок, и это была правда. - Только пока не знаю какой.

- Он любит тишину и тех, кто умеет молчать, - сказала ретривер негромко. - Мне так кажется.

- Спасибо, - сказал лисёнок. - Я подумаю.

Он помолчал немного и всё-таки спросил, осторожно, чтобы не испугаться собственного вопроса:

- А ты... кому-нибудь уже придумала?

Ретривер посмотрела на него долгим внимательным взглядом. Уголки её губ дрогнули, будто она хотела улыбнуться, но решила подождать.

- Придумала, - сказала она. - Это секрет.

Больше она ничего не сказала. Но лисёнок почему-то знал, что секрет этот был хорошим.

Лучше порадоваться за других, а если тревожно, спросить. Тревожно бывает не только тебе.

О гирляндах

Гирлянд оказалось слишком много. Кот нашёл их на чердаке в трёх коробках, и каждая была запутана так, будто её нарочно завязывали в узлы. Целый вечер пятеро сидели на поляне, распутывали провода и спорили, где какой конец. К ночи удалось размотать только две коробки, а третью дворняжка торжественно объявила «гирляндой с характером» и отложила в сторону.

- Развесим завтра, - зевнула корги.

- Завтра будет некогда, - сказал кот. - Завтра пряники, стол и сто остальных дел. Или сегодня, или никогда.

- Тогда сегодня, - сказала ретривер. - Но не все сразу. Корги и дворняжка уже падают с лап, кот просто хочет спать, хотя не признаётся. Лисёнок, пойдём со мной? Мы повесим вдоль тропинки до ручья, а остальное оставим на утро.

Лисёнок не сразу понял, что она сказала. Потом понял и почувствовал, как у него дёрнулся кончик хвоста.

- Пойдём, - сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Остальные разошлись по домам. Ночь стояла тёплая, как бывает перед снегопадом, и тихая, как бывает только в лесу. Луны не было, но снег сам светился слабым серебристым светом, и в этом свете каждая веточка казалась нарисованной тонким карандашом.

Ретривер несла гирлянду, перекинув её через плечо, как

шарф. Лисёнок нёс лестницу, которую ему вручил кот, предупредив: «Не урони. Она старая».

На первой же ёлке они остановились.

- Мне не достать, - сказала ретривер, посмотрев вверх. - Ты залезешь?

Лисёнок полез. Он любил лазать по веткам: лапы у него были цепкие, а хвост помогал держать равновесие. Он зацепил гирлянду за верхнюю ветку и вдруг понял, что внизу стало очень тихо. Он посмотрел вниз. Ретривер стояла, задрав голову, и глядела на него так, будто он делал что-то особенное.

- Ты как белка! - сказала она. - Только красивее.

Лисёнок чуть не сорвался с ветки.

Дальше они вешали вместе. Ретривер подавала гирлянду, лисёнок крепил, потом спрыгивал и переносил лестницу. Они почти не разговаривали. Это было то самое молчание, которое не нужно заполнять словами: оно просто лежало между ними, мягкое и тёплое, как плед.

Когда они дошли до поворота у ручья, гирлянда на всей тропинке уже мерцала. Тёплые жёлтые огоньки висели на ветках, а вдаль светилась ёлка на поляне. Ретривер остановилась и выдохнула, и лисёнок увидел, как облачко пара дрожит в воздухе перед её мордой.

- Красиво, - сказала она тихо.

- Красиво, - согласился лисёнок. - Только ты не замёрзла? У тебя нос красный.

- Немного, - призналась ретривер.

Лисёнок размотал с шеи свой шарф и, прежде чем успел подумать, накинул его ей на плечи. Шарф был рыжий и пах им самим: хвоей, чаем и немножко дымом из трубы. Ретривер не сказала ни слова. Она только плотнее завернулась в шарф и посмотрела на него так, что у лисёнка заколотилось сердце.

- Теперь замёрзнешь ты, - сказала она.

- С тобой не замерзну!

Он сказал это и тут же отвернулся, потому что понял, что сказал лишнее. Но ретривер вместо того, чтобы засмеяться, подошла и стала рядом, плечом к плечу. Тепло от неё шло ровное и спокойное, и лисёнок почувствовал, что уши, которые весь вечер были прижаты, тихо поднимаются.

Они стояли так долго, глядя на огоньки. Потом лисёнок вдруг услышал что-то странное.

Где-то далеко, у самой границы леса, раздался звук. Очень тихий, на грани слышимого. Не хруст и не шорох, а скорее вздох. Будто кто-то выдохнул так, как выдыхают, когда долго стоят на одном месте и не решаются подойти.

Он повернул ухо. И увидел, что на краю леса, там, где деревья редели и начиналась пустошь, мерцает ещё один огонёк. Совсем тусклый, голубоватый, не похожий на тёплые жёлтые гирлянды. Он дрожал на самом краю видимости, как звезда, которая упала слишком низко.

- Ты слышала? - спросил лисёнок. - Вон там, смотри.

Ретривер посмотрела в ту сторону.

- Где?

- Там, за деревьями. Голубой огонёк.

- Это, наверное, отражение, - сказала ретривер. - Снег так блестит. Я тоже иногда вижу странные огоньки, когда долго смотрю на гирлянды.

Лисёнок моргнул. Огонёк пропал.

- Наверное, - сказал он.

Но уши он повернул в ту сторону ещё раз и ещё долго слушал. Лес молчал.

Они вернулись к домикам поздно, когда гирлянда уже давно отсияла своё. У крыльца ретривер сняла шарф, но не отдала, а задержала в лапах.

- Можно я его оставлю до завтра? Он тёплый.

- Конечно можно, - сказал лисёнок, потому что у него не нашлось других слов. - Можно и насовсем.

Ночью он долго лежал и смотрел в потолок. Плечо, к которому она прижималась, до сих пор казалось тёплым. Он думал, что рядом с ней даже тёмный лес светится. Про голубой огонёк, который исчез, он почти забыл.

Рядом с тем, кто нам дорог, даже самая тёмная ночь светится.

О последнем дне года

Тридцать первое декабря началось с грохота.

Лисёнок проснулся от того, что что-то огромное и звонкое упало на поляне. Потом послышался крик дворняжки: «Я не виновата! Оно само!» Потом чьё-то громкое «Ох» и тишина. Лисёнок выскочил на крыльцо без шарфа, который остался у ретривера, и помчался на шум.

На поляне, возле ёлки, на снегу лежала звезда. Та самая, которую они вчера вечером с трудом приладили на верхушку. Золотая, из жести, с пятью острыми лучами. Один луч отломился и лежал рядом. Дворняжка сидела тут же, вся в снегу, и выглядела так, будто сейчас расплачется.

- Я только хотела поправить, - шептала она. - Она кривовато висела. Я залезла, потянулась, а она... оно... Я не нарочно!

- Никто не говорит, что нарочно, - сказал кот, подходя. Он держал звезду в лапах и осторожно разглядывал поломку. Лицо у него было спокойное, но хвост нервно дёргался.

- Звезда сломана. Через девять часов праздник. У нас нет другой звезды.

- У нас всё сломается, - сказала корги, прибежав следом. Она заламывала лапы. - Я знала. Я чувствовала. Пряники не те, ёлка кривая, а теперь ещё и звезда!

- Корги, дыши, - сказала ретривер, появившись с другой

стороны поляны. Она была в рыжем шарфе лисёнка и несла корзину с мандаринами.

Но корги уже вошла во вкус.

- И стол не накрыт! И скатерть не выглажена! И кто-то съел половину сыра, я точно помню, что его было больше!

- Это я, - тихо сказал кот.

- КОТ!

Лисёнок стоял и слушал. Уши у него сами собой прижались к голове. Внутри уже поднималось знакомое холодное: «Всё пропало. Всё испортится. Новый год не получится. Они все расстроятся, а я ничего не смогу сделать». Он почти слышал, как этот холод растёт, как мороз по окну.

Но потом он посмотрел на звезду в лапах кота. На отломанный луч. И вдруг понял, что видит не катастрофу, а маленькую, очень понятную поломку.

- Дай, - сказал он. - Я посмотрю.

Кот молча протянул звезду. Лисёнок присел прямо в снег, поднял с земли тонкую проволоку, которая всегда валялась тут, и оглядел излом. Жесть лопнула на сгибе: чистый разлом, без вмятин. Он прикинул, как это можно соединить.

- Мне нужны клей, горячий воск и вот такой тонкий кусочек жести, - сказал он, не поднимая головы. - Или лента. И полчаса тишины.

- Тишины? - переспросила дворняжка.

- Ну, чтобы я мог слушать, как лежит металл, - смутился лисёнок. - Когда прислушиваешься, понятно, где держится.

Никто не стал смеяться. Дворняжка тихонько отошла в сторону и сделала вид, что её нет. Корги притихла. Кот сел рядом и молча подавал нужные вещи: воск, ленту, клей. Ретривер встала за спиной лисёнка и ничего не говорила, только держала мандарины, чтобы они не раскатились.

Лисёнок работал. Он прикладывал лучик к излому, прислушивался, подгонял, снова прислушивался. Тонкая проволока легла внутрь, как шов. Воск закрыл место соединения. Через полчаса, как он и обещал, звезда лежала на снегу целая. Если не присматриваться, шва не было видно. А если присмотреться, то в одном месте на луче блестела тонкая золотая полоска, как шрам.

- Видно, - сказал лисёнок, поднимая звезду. - Но можно покрасить.

- Не надо, - сказала ретривер. - Пусть остаётся. Это звезда, которая падала и поднялась. Она теперь особенная.

Лисёнок посмотрел на неё и ничего не сказал, потому что в горле что-то застряло.

- А кто полезет наверх? - спросила корги.

- Я! — вскочила дворняжка. - Но на этот раз аккуратно! Честное слово! Я теперь знаю, как держаться!

- Знаешь, - сказал кот. - Мы все тебе верим. Только пусть кто-то подстрахует внизу.

И подстраховали все четверо, причём так усердно, что дворняжке, наверное, было даже немножко тесно среди такого количества лап. Звезда заняла своё место на макушке.

Она сверкнула на утреннем солнце, и все хором выдохнули.

Остаток дня прошёл как-то сам собой. Корги досыпала пряники сахарной пудрой, кот восстанавливал сырную тарелку и ворчал на себя. Дворняжка украшала скатерть. Лисёнок вешал остатки гирлянды, и теперь вешал спокойно, без дрожи в лапах.

К вечеру он вдруг понял странную вещь. Всё утро он был уверен, что праздник пропал. Что одна полочка разрушит всё. А на самом деле полочка стала просто одной из историй. Такой, которую потом будут вспоминать: помните, как звезда упала?

- Ты молодец, - сказала ретривер, проходя мимо с мандаринами. Она сказала это просто, между делом, как говорят о погоде. Но лисёнок почувствовал это каждым кончиком шерсти.

Иногда то, что сломалось, после починки становится самым дорогим: ведь у него теперь есть история.

О столе, за которым всем хватило места

К восьми вечера поляна преобразилась. Кот и корги сдвинули вместе три стола, накрыли их белой скатертью, расставили свечи в банках и расстелили вокруг пледы и подушки. Вдоль стола горела гирлянда, над ним переливалась ёлка с починенной звездой, а в воздухе плыл запах корицы, мандаринов и тёплого хлеба.

- Красиво, - выдохнула дворняжка.

- Только не трогай ничего, пока не сядем, - предупредил кот.

- Я и не трогала. Я просто смотрю носом.

Все пятеро нарядились. Корги надела клетчатый жилет, который сама связала. Дворняжка нацепила на хвост красный бант и очень им гордилась. Кот выбрал тёмный шарф, строгий и торжественный, хотя на его месте всякий давно бы потеплел и снял его. Ретривер надела шарф лисёнка: оказалось, что она так и не захотела его отдавать. А лисёнок причесал шерсть, и это стоило ему получаса и всего терпения.

- Тост! - потребовала дворняжка, как только все уселись.

- Кому говорить? - спросил кот.

- Ретриверу! Она придумала праздник!

Ретривер встала, поправила шарф и на секунду растеря-

лась. Лисёнок увидел, что она волнуется, и решил: это тот редкий случай, когда ей тоже страшно.

- Я не мастер говорить, - сказала она. - Но хочу сказать вот что. Я очень рада, что мы здесь. Все пятеро. Что у нас есть ёлка, огоньки, стол, и что звезда на верхушке теперь особенная. Мне кажется, главные праздники не те, где всё красиво, а те, где все рядом. Давайте так и будем.

- Давайте, - сказала корги, и голос её дрогнул.

- За нас, - сказал кот.

- Урааа! - закричала дворняжка и подбросила в воздух мандарин. Мандарин поймала корги, не глядя.

Они ели, смеялись, снова ели. Кот рассказывал историю про то, как в детстве он боялся гирлянд, потому что принял их за светящихся змей. Корги пересказывала сон, в котором пряники разбежались по лесу. Дворняжка всё время перебивала, и всё время к месту. Лисёнок слушал и думал, что давно не чувствовал такой лёгкости. Страхи, которые утром держали его за горло, куда-то ушли, а на их место пришло простое тёплое чувство: хорошо.

Потом пришло время подарков.

Лисёнок вручил коту свою коробочку. Это была маленькая деревянная шкатулка, высланная изнутри мягким серым материалом. Он сделал её сам, вечерами, и подобрал ткань такого цвета, как шерсть кота.

- Это что? - спросил кот, вертя шкатулку в лапах.

- Для тишины, - сказал лисёнок, смутившись. - Ты лю-

бишь, когда тихо. А иногда, наверное, бывает, что снаружи шумно. Тогда можно открыть шкатулку и положить туда немножко шума, а взять немножко тишины. Ну, это не по-настоящему, это просто...

- Я понял, - сказал кот. Он замолчал, и все замолчали тоже. Он держал шкатулку и смотрел на неё. Потом сказал: - Нормально.

Это значило очень много. Лисёнок это знал.

Кот вручил корги свёрток. Внутри лежала тонкая бумажная карта леса, нарисованная от руки, с каждой тропинкой, каждой кочкой и каждым ручьём.

- Тут сто двадцать маршрутов, - сказал он. - Для пробежек. Каждый день можно новый. Я проверял. Некоторые довольно непростые.

Корги расплакалась. Тихо, но очень счастливо, и тут же стала искать на карте самый трудный путь.

Дворняжка, дрожа от нетерпения, вручила ретриверу огромную коробку, перевязанную красной лентой, и так на неё смотрела, будто сама хотела её открыть.

- Это сто сорок записок! - сообщила она, не дожидаясь вопроса. - Смешных! Я вспомнила все наши истории, про каждую написала и положила сюда. Когда тебе грустно, достаёшь одну, читаешь и смеёшься!

Ретривер открыла коробку и достала первую записку. «Помнишь, как кот испугался собственной тени и целый час думал, что это волк?» Она засмеялась так, что чуть не сва-

лилась с подушки.

А потом ретривер вручила дворняжке свой подарок. Это были настоящие санки, покрашенные в красный цвет, с белой полоской по краю и надписью «Самой быстрой».

- Мы с котом делали, - сказала ретривер. - Он знал, какие нужны материалы.

Дворняжка издала такой звук, который, вероятно, слышали на другом конце леса, и кинулась обниматься.

И только корги достала последний подарок, предназначенный лисёнку. Она подала ему мягкий свёрток, перевязанный простой верёвкой.

Он развернул. Внутри лежала шапка. Рыжая, как осенний лист, с белым кончиком, повторяющим кончик его хвоста. И в нём, ровно в нужных местах, были аккуратно прорезаны два отверстия.

- Для ушей, - сказала корги. - Чтобы им не было тесно. Чтобы слышали всё, что хотят.

Лисёнок молчал. Он держал шапку в лапах и не мог ничего сказать. Потому что никто и никогда не думал о его ушах как о чём-то, что нужно беречь. Все только говорили, что они слишком большие. А корги подумала о том, чтобы им было удобно.

- Спасибо, - сказал он наконец. Голос стал странным и хриплым.

- Не за что, - отмахнулась корги, но глаза у неё блеснули. Стол потихоньку пустел. Догорали свечи. Лисёнок сидел

с шапкой в лапах и смотрел на лица друзей, освещённые огоньками гирлянды. Он думал, что вот оно, то самое. Не звезда и не ёлка, а то, что вокруг. И что места за этим столом хватило каждому, даже ему, с его ушами, тревогами и тихими вечерами.

Лучший подарок за столом, когда все рядом.

О змеях, которые оказались гирляндами

Историю про гирлянды кот рассказывал не в первый раз, но в первый раз до конца.

Это было за столом, когда подарки уже раздали, а все уже наелись, но ещё не разошлись. Дворняжка допивала сок, корги раскладывала по тарелкам последние пряники, и никто не торопился. Кто-то сказал, что на ёлке одна гирлянда мигает слишком быстро, и кот посмотрел на неё долго и странно.

- Я их раньше боялся, - сказал он вдруг.

- Кого? - не поняла корги.

- Гирлянд. В детстве.

Все повернулись к нему. Дворняжка перестала жевать.

- Серьёзно? - спросила она. - Ты? Который всё проверяет и взвешивает?

- Мне было семь лет, - сухо сказал кот. - В семь лет все чего-нибудь боятся.

- А почему гирлянд? - спросил лисёнок.

- Я тогда жил в другом лесу, - начал он. - Маленьком, на краю поля. Зимы там были тёмные, и в канун Нового года в нашем посёлке всегда вешали огни. Лампочки, фонарики, свечи. Но я их не любил. Они мигали. А мигающее, как из-

вестно, непредсказуемо.

- Как известно кому? - вставила дворняжка.

- Мне. Тогда.

Кот помолчал, но никто не засмеялся.

- У меня был друг, - продолжал он. - Белка. Рыжая, шумная, быстрая. Все звали её Шумок, потому что она никогда не молчала. Шумок всё время что-то выдумывала, куда-то тащила меня, во что-то втягивала. А я упирался и ворчал.

- Ты и тогда ворчал? - удивилась корги.

- Всегда, - признал кот. - В тот год Шумок решила, что в канун Нового года мы вместе сделаем невиданную гирлянду. Самую длинную, самую яркую. И повесим её на самой большой сосне в посёлке. Я сказал, что это глупо. Она сказала, что это будет красиво. Я сказал, что провода запутаются. Она сказала, что она распутает.

- И что? - прошептала дворняжка.

- Ночью, накануне праздника, мы пошли на чердак за проводами. Было темно. Мы взяли свечу, но она погасла. Шумок что-то нащупала в углу и дёрнула. Раздался треск, потом сверкнуло, и вдруг из темноты, прямо на меня, поползло что-то длинное, светящееся, шипящее и извивающееся.

Кот сделал паузу.

- Это была гирлянда, - сказал он. - Но я этого не знал. Я решил, что змея. Целая стая змей. Они светились разными цветами и мигали, и каждая норовила обвиться вокруг меня.

- И ты...

- Закричал. - Кот поморщился. - Громко. Не скажу как. Побежал. Налетел на стремянку, на ведро, на бочку. Свалился с чердака, не знаю как. Приземлился в сугроб. И сидел там до утра, пока меня не нашли.

Корги прижала лапы ко рту. Плечи у неё тряслись.

- Не смей смеяться, - сказал кот, но уголок рта у него дёрнулся. - Мне было страшно.

- Прости, - выдохнула корги. - Но ты в сугробе... в семь лет...

- Дальше будет хуже. - Кот вздохнул. - Шумок нашла меня только под утро. Я сидел, весь в снегу, дрожал. Она подошла, села рядом и ничего не сказала. Просто сидела. А потом достала из кармана одну лампочку, маленькую, жёлтую, и положила мне на ладонь.

- Зачем? - спросил лисёнок.

- Чтобы я посмотрел. - Кот поднял глаза. - Она сказала: «Это не змея. Это просто свет. Гляди, он тёплый». Я посмотрел. Лампочка была обычная, тёплая, не шипела и не извивалась. Просто светила.

- И ты перестал бояться? - спросила ретривер.

- Не сразу. - Кот почесал за ухом. - Но Шумок не отстала. Каждый вечер всю зиму приходила ко мне, приносила по одной лампочке и объясняла, как работает каждая. «Вот эта красная, она греется чуть сильнее. Вот эта зелёная, она не мигает, если провод чистый». Объясняла и объясняла, пока я не выучил наизусть. К весне я знал про гирлянды всё, и

они мне стали нравиться.

- Потому что понял, как они устроены? - спросил лисёнок.

- Потому что она сидела рядом, - сказал кот. - Когда боишься, объяснение помогает. Но когда кто-то терпеливо сидит с тобой и объясняет, помогает ещё больше.

За столом стало тихо. Дворняжка смотрела на кота большими глазами. Корги вытирала слёзы, теперь уже не от смеха.

- Что с ней стало? - тихо спросила ретривер.

- Уехала. - Кот пожал плечами. - Через несколько лет. Её семья переселилась за горы.

- Ты пишешь ей?

- Нет.

- Почему?

- Не знаю, что сказать.

Ретривер ничего не ответила. Она встала, обошла стол и положила лапу коту на плечо. Он вздрогнул, но не отстранился.

- Я просто хотел сказать, - произнёс он, откашлявшись, - что бояться гирлянд нормально. И что если сейчас кто-нибудь из вас боится чего-то, этому тоже есть объяснение. Нужно только, чтобы кто-то сидел рядом.

- Я боюсь, что ёлка упадёт, - тут же сказала дворняжка.

- Не упадёт. Я проверил крепления.

- Я боюсь, что пряники закончатся, - призналась корги.

- Не закончатся. Их ещё на неделю.

- Я боюсь... - начал лисёнок и замолчал.

- Что? - спросил кот.

- Что не смогу сказать что-то важное.

Кот посмотрел на него долго и спокойно.

- Сможешь, - сказал он. - Когда придёт время. А я посижу рядом.

Лисёнок кивнул. У него защипало в носу, но он не стал прятаться.

- Теперь чай, - резко сказал кот, как будто испугавшись собственной откровенности. - Пока не остыл.

И все засмеялись, потому что поняли: он сказал больше, чем планировал. А ёлка мигала разноцветными огнями, и ни одна лампочка не шипела.

Страх проходит, когда кто-то терпеливо сидит рядом и объясняет.

О полуночи на холме и о желании

За пятнадцать минут до полуночи ретривер вдруг встала из-за стола и сказала:

- Хочу показать вам место. Тут недалеко. Оттуда видно весь лес.

Они пошли: корги впереди, дворняжка на санках, которые кот тащил, ворча, что «это не его работа». Холм был невысокий, но с него открывался вид, от которого дух захватывало. Внизу лежал лес, мерцающий огоньками гирлянд, а над лесом раскинулось огромное чёрное небо, в котором звёзд было больше, чем снежинок на всех деревьях вместе взятых.

- Ого, - сказала дворняжка и на секунду замолчала. Это случилось впервые за весь вечер.

- Десять секунд! - закричала корги, глядя на старые часы.
- Девять!

- Стой, не считай вслух, - шикнул на неё кот. - Мы все умеем считать.

- Восемь! Семь! - не слушала корги.

Все стали считать вместе. Громко, перебивая друг друга, смеясь и сбиваясь. И когда они досчитали до нуля, над лесом вспыхнуло что-то цветное: это дворняжка бросила в воздух горсть блёсток, которые припасла заранее. Они разлетелись в стороны и повисли в морозном воздухе серебряной пылью.

- С Новым годом! - закричали все пятеро.

Корги бросилась обнимать всех сразу и немножко придушила кота. Дворняжка катилась с горки на санках, визжа от восторга. Кот тихонько улыбался и делал вид, что смотрит на звёзды.

Лисёнок остался стоять на вершине холма. Он смотрел на огни и чувствовал, что сердце у него бьётся очень громко.

Ретривер подошла незаметно и встала рядом.

- Ты загадал желание? - спросила она.

- Нет, - сказал лисёнок. - Ещё нет.

- Почему?

Он помолчал. Желаний у него было много: чтобы у них всегда был этот лес, этот стол, эти огоньки. Но одно желание, главное, было таким, что его и в мыслях-то боязно было произносить. А вдруг загадаешь, а оно не сбудется? И тогда придётся жить с этим? Или вдруг оно сбудется, но ты уже не будешь тем, кем был раньше?

- Страшно, - признался он. - Когда загадываешь самое главное, страшно.

- Я знаю, - сказала ретривер. - Я тоже не загадала.

- Почему?

- Потому что думаю, что желание, которое действительно твоё, лучше не говорить вслух, а просто делать.

Лисёнок посмотрел на неё. Она смотрела на звёзды, но улыбка у неё была такая, будто она знала что-то, чего не знал никто другой.

Он решил. Сунул лапу в карман и вытащил деревянные

фигурки: рыжую и золотую, стоящие рядом, держащиеся за лапы, с красными щеками и ленточкой на шее.

- Это тебе, - сказал он, и голос предательски сорвался. - Не по жребию. Я сам. Просто... так получилось.

Ретривер взяла фигурки. Долго смотрела. Она осторожно провела подушечкой лапы по ленточке, по маленькому белому кончику хвоста у рыжей фигурки, по красным щёчкам. Лисёнок не знал, куда деть глаза, поэтому смотрел на её лапы.

- Ты сам это сделал? - тихо спросила она.

- Да.

- Для меня?

- Да.

Ретривер молчала так долго, что лисёнок успел придумать про себя сто причин, по которым она сейчас вежливо скажет «спасибо» и вернёт подарок. Но она не вернула. Она поставила фигурки на ладонь и поднесла к груди, как что-то хрупкое и очень ценное.

- Я знала, что ты что-то прячешь, - сказала она. - Но я не думала... не думала, что это будет такое.

- Тебе нравится?

- Это самое красивое, что мне дарили, - сказала ретривер. - Потому что здесь мы оба. Вместе. И ты так точно нашёл мой нос. И ленточку.

Она положила лапу поверх его лапы. Просто положила, тёплую и мягкую. И они стояли на холме, и над лесом падали

последние блёстки, и где-то внизу смеялись друзья. Лисёнок вдруг понял, что желание он всё-таки загадал. Не словами, а просто так, внутри: «Пусть так будет всегда».

Больше они ничего не говорили. Не нужно было.

А в это время на дальнем склоне, там, где лес редел и переходил в голую белую пустошь, стояла одинокая фигура. Она смотрела на огни на холме, на тёплые жёлтые гирлянды, на смеющихся зверей. Никто её не замечал. Фигура стояла неподвижно, и из её дыхания в морозном воздухе вырастали крошечные ледяные цветы. Они дрожали, сверкали и опадали на снег.

Фигура постояла ещё немного, потом повернулась и ушла в темноту, не оставив ни звука.

Загадать желание легко. Куда труднее признаться самому себе, чего ты на самом деле хочешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.